

Военное столкновение между СССР и фашистской Германией представляло собой кровопролитное сражение двух тоталитарных систем, созданных Гитлером и Сталиным. В СССР в последнее предвоенное десятилетие прокатилась неслыханная по своей массовости и жестокости волна репрессий, право попиралось годами, а человеческая жизнь в глазах правящей партийной элиты практически потеряла ценность. В фашистской Германии был установлен жесточайший террор по отношению к представителям отдельных «неарийских рас». Обо всем этом достаточно хорошо известно из работ отечественных и западных историков. Однако вопрос об отношении нацистских властей к Православной Церкви не получил еще достаточного освещения в церковно-исторической науке. Рассмотрению этой темы посвящена предлагаемая читателям монография современного историка, доктора исторических наук М. В. Шкаровского, знакомого читателям нашей серии по книге «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве»¹.

К сожалению, в работе М. В. Шкаровского нет вводной главы, которая позволила бы читателю разобраться в тех сложных церковно-юрисдикционных проблемах, которые существовали в 1930-е — 40-е годы в Европе и в оккупированных немецкими войсками районах СССР.

Еще во время Гражданской войны на территориях, находившихся под контролем Белого движения, было образовано несколько «Временных Высших Церковных Управлений» (ВВЦУ). Так, в ноябре 1918 г. возникло Сибирское ВВЦУ во главе с архиепископом Омским Сильвестром (Ольшанским), в мае 1919 г. Южное ВВЦУ во главе с архиепископом Донским Митрофаном (Симашкевичем). Несколько позже оказавшиеся в эмиграции архиереи во главе с митр. Антонием (Храповицким) приняли решение о создании на территории Константинопольской Патриархии т. н. Высшего Русского Церковного Управления (ВРЦУ), которое стало осуществлять свою деятельность после благословения Константинопольской Патриархии, данного в грамоте от 2 декабря 1920 г. за № 9044. В этом документе Патриархия позволяла русским еписко-

¹ «Материалы по истории Церкви». Книга 24, издания 1999 и 2000 г.

пам в изгнании образовать церковную комиссию («Эпитропию») «под высшим управлением Вселенской Патриархии, для надзора и руководства общей церковной жизнью русских колоний»². Таким образом русские епископы, вошедшие в состав ВРЦУ, подпадали под юрисдикцию Вселенского Патриархата без канонического отпуща со стороны своей Матери-Церкви в лице патриарха Тихона и Св. Синода, а также Высшего Церковного Совета.

Практически в то же время, сознавая большую опасность, которая может угрожать церковному единству ввиду сложившихся в России условий, Высшая Российская церковная власть в лице патриарха Тихона, Священного Синода и созданного на основании решений Великого Московского Собора 1917—1918 гг. Высшего Церковного Совета на своем объединенном заседании в ноябре 1920 года приняла постановление от 7(20) ноября 1920 г. за № 362, известное в литературе, как постановление «о временных автономиях». Согласно этому документу в случае, если Св. Синод и Высший Церковный Совет «по каким-либо причинам прекратят свою церковно-административную деятельность, епархиальный архиерей за руководственными по службе указаниями и за разрешением дел, по правилам, восходящим к Высшему Церковному Управлению, обращается непосредственно к Святейшему Патриарху или к тому лицу или учреждению, какое будет святейшим Патриархом для этого указано».

Второй пункт постановления указывал, что «в случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п. окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (...)».

Именно это постановление впоследствии было использовано Высшим Русским Церковным Управлением за границей, пере-

² В то время Константинопольской Патриархией управлял митрополит Дорофей, которому и была подана письменная просьба о легализации русского заграничного Церковного Управления.

бравшимся со временем в Сербию (точно так же без канонического отпуска своей Высшей церковной власти (теперь уже патриарха Вселенского, взявшего их под свой омофор) для доказательств своего канонического статуса.

Однако, как ясно видно из текста постановления, речь в нем шла лишь о епископах Православной Российской Церкви, находящихся в своих епархиях, а не о тех иерархах, которые по тем или иным причинам покинули свою церковную область. К тому же Постановление говорило о соседних епархиях. «Но разве епархии в Западной Европе, в Китае, в Японии и т. д. можно считать “соседними”?»³. Кроме того Указ патриарха Московского не мог распространяться на чужую каноническую территорию и поэтому также не относился к зарубежным архиереям-беженцам.

До революции 1917 г. все зарубежные приходы Православной Российской Церкви находились в подчинении митрополита Санкт-Петербургского. В 1918 г. связь этих приходов с Петроградским митрополитом Вениамином (Казанским) практически прервалась, так что реальное управление ими сделалось для него невозможным. Исходя из этого, 26 марта (8 апреля) 1921 года Св. Синод во главе с патриархом Тихоном (Беллавиным) Указом за № 423 назначил находящегося в эмиграции в Берлине бывшего Волынского архиепископа Евлогия (Георгиевского) управляющим православными русскими церквями в Западной Европе. Со своей стороны митрополит Петроградский Вениамин в письме к архиепископу Евлогию указывал, что он дает «...полное согласие, чтобы в то время, когда почти нет сношений с заграничными церквями, Вы заведовали ими — тем более, что это временное заведование Вашим Высокопреосвященством признано и подтверждено Святейшим Патриархом»⁴.

Несколько ранее, чем появился в свет Указ патриарха Тихона за № 423, образованное в Константинополе «Высшее Русское Церковное Управление», во главе с бывшим митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), выпустило свой указ за

³ Троицкий С. В. История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. М., 2001. № 8. С. 27.

⁴ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной (Материалы по истории Церкви — далее МПИЦ. Кн. 3). М., 1994. С. 552.

№ 318 от 2(15) апреля 1921 года о назначении архиепископа Евлогия управляющим всеми Западно-Европейскими русскими церквями на правах епархиального архиерея.

Однако это распоряжение находящихся в эмиграции архиереев требовало подтверждения от Высшей Российской церковной власти. За таким подтверждением в Россию через Финляндского архиепископа Серафима (Лукиянова) обратился настоятель посольской Александро-Невской церкви в Париже протоиерей Иаков Смирнов. В результате последовал Указ патриарха Тихона за № 424 на имя преосвященного Серафима Финляндского и Выборгского, согласно которому преосвященный Евлогий назначался управляющим православными русскими церквями в Западной Европе. Несколько позже — в январе 1922 г., архиеп. Евлогий был удостоен звания митрополита.

Летом 1921 года ВРЦУ в Константинополе обратилось к Сербскому патриарху Димитрию с отношением, в котором, между прочим, указывалось, что оно действует по благословению Святейшего патриарха Тихона. В документе ВРЦУ у сербского патриарха испрашивалось благословение на созыв в пределах его канонической территории русского церковного собрания заграничного духовенства и мирян.

В ответ Постановление архиерейского Собора Сербской Церкви от 31 августа 1921 г. признало за русским заграничным церковным управлением: 1) «Юрисдикцию над русским духовенством *вне нашего государства* и над русским духовенством, не состоящим на приходской и государственной ученой службе, как и над военным духовенством в Русской Армии, которое не находится на сербской церковной службе. 2) Бракоразводные споры русских беженцев»⁵.

21 ноября 1921 г. с разрешения Сербского патриарха, в г. Сремских Карловцах было открыто Общецерковное заграничное собрание. Впоследствии этот съезд духовенства и мирян был переименован в «Русский Всезаграничный церковный собор» или, как он стал именоваться в литературе, «Карловацкий собор 1921 года».

⁵ Цит. по: *Троицкий С. В.* История самочинной карловацкой организации. С. 23.

На этом соборе, помимо рассмотрения нескольких церковных вопросов, был принят ряд политических решений. Например, в «Воззвании Собора чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим» говорилось о необходимости возвращения на престол династии Романовых, а отправленное от имени собора обращение к Генуэзской конференции⁶ также содержало ряд политических заявлений, сделанных от имени Русской Церкви. «Деяния» карловацкого собора 1921 года были использованы большевиками для дальнейшего гонения на Церковь в СССР.

Патриарх Тихон в своем Указе за № 348 и № 349, составленном на основании решения соединенного присутствия Св. Синода и Высшего Церковного Совета от 5 мая 1922 года, признал «Карловацкий Собор заграничного духовенства и мирян не имеющим канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции не выражающим официального голоса Русской Церкви». Во втором пункте патриаршего Указа говорилось об упразднении заграничного Высшего церковного управления, а в третьем — Св. Синоду предлагалось «иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границы за их политические от имени Церкви выступления».

В ответ на это недвусмысленное распоряжение Высшей Российской церковной власти 11 заграничных архиереев собрались осенью 1922 года на совещание для рассмотрения патриаршего Указа 5 мая 1922 г. Фактически воля Святейшего патриарха Тихона, Высшего Церковного Совета и Св. Синода не была выполнена. В 1-м пункте постановления архиерейского совещания говорилось о роспуске Высшего Русского Церковного Управления за границей, однако уже в 3-м пункте создавалось аналогичное учреждение под именем Временного Священного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. «Упразднение ВРЦУ за границей в пункте 1 Постановления, — справедливо пишет об этом постановлении совещания карловацких епископов современный церковный историк протоиерей Георгий Митрофанов, — (...) по суще-

⁶ Обращение к Генуэзской конференции на самом деле было подлогом. Сообщение в печати об этой конференции появилось лишь через два месяца после закрытия карловацкого «собора», так что обращение на самом «соборе» принято быть не могло.

ству, восстанавливало этот орган в пункте 3, образуя на основании весьма условно применимого к положению русских епископов за границей Постановления от 7(20) ноября 1920 г. Временный Архиерейский Синод, которому передавались «все права и полномочия Русского Высшего Церковного Управления за границей. При этом на практике разница между ВРЦУ за границей и сменившим его Временным Архиерейским Синодом заключалась лишь в том, что в состав нового высшего органа Русской Православной Церкви за границей, состоящего из тех же самых архиереев, которые входили в ВРЦУ за границей, не были включены два члена этого Управления, которые не являлись епископами и поэтому не имели права входить в состав Архиерейского Синода»⁷.

После кончины патриарха Тихона, последовавшей 25 марта 1925 года, было опубликовано его «завещание», вызвавшее немалое смущение в рядах русской эмиграции. Однако это событие не привело к формальному расколу в рядах карловацкой организации. Тем не менее, прямое осуждение карловацкого ВРЦУ Московской Высшей церковной властью постепенно вызывало дробление карловацкого движения.

Митрополит Евлогий, на которого по прямому указанию патриарха Тихона было возложено каноническое право управления русскими зарубежными приходами, в 1923 году подготовил проект управления Русской Церковью за границей. Согласно этому документу, предполагалось разделить все приходы Русской Церкви за рубежом на 4 административных округа (митрополий-архиепископий): 1) Западно-Европейский; 2) Восточно-Европейский (русские церкви на Балканах); 3) Дальний Восток (Япония, Китай, Харбинская епархия); 4) Северная Америка. По плану митрополита Евлогия «В наиважнейших случаях епископы (или их представители в священническом сане), делегаты епархий, должны были съезжаться на ежегодный Архиерейский Собор для выработки соответствующих суждений или чтобы принять те или иные меры; тем самым Карловацкий Синод как постоянный церковно-административный орган делался излишним и подлежал ликвидации, а еже-

⁷ Митрофанов Георгий, священник. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920—1927 гг. СПб., 1995. С. 30.

годные Соборы проявляли бы в своей чистоте наш исконный восточно-православный принцип соборности»⁸. Проект митрополита Евлогия не был принят⁹, и зарубежный архиерейский синод сохранил свои полномочия.

Очень скоро обнаружились истинные намерения карловацкого синода, который собирался самопровозгласить себя высшей церковной властью за границей, а при возможности, декларировать свою власть и над всею Русской Церковью¹⁰. В связи с этим в 1926 году произошел разрыв отношений между митрополитом Евлогием и синодом в Карловцах. Одной из формальных причин этого разрыва стало утверждение в Берлине самостоятельной епархии во главе с викарием митрополита Евлогия — епископом Тихоном (Лященко), который согласился выйти из автономного округа своего митрополита и подчиниться непосредственно карловацкому синоду.

Раздор между митрополитом Евлогием и поддержавшими его епископами, с одной стороны, и митрополитом Антонием его синодом и его окружением — с другой, вызвал реакцию со стороны Московской церковной власти в лице митрополита Сергия (Страгородского). В своем письме от 12 сентября 1926 года митрополит Сергий писал, что совершенно не знает, из кого состоит зарубежный архиерейский Собор и синод и какие полномочия имеют эти организации. Ссылаясь на свою неосведомленность, митрополит подчеркивал, что он не может быть судьей между зарубежным епископатом.

«Ваше письмо, — писал митр. Сергий, — дает мне повод поставить общий вопрос: может ли вообще Московская Патриархия

⁸ *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. С. 555.*

⁹ Так же, как не было принято предложение архиепископа Пекинского Иннокентия (Фигуровского) об образовании митрополичьего округа в Китае.

Пекинская и Китайская епархия была образована определением карловацкого синода в 1922 году. В ее пределах были образованы викариатства: в Шанхае во главе с епископом Симоном (Виноградовым) и в Тяньцзине (позднее перенесено в Ханькоу) — во главе с епископом Ионой (Покровским). На территории Маньчжурии возникла подчинявшаяся карловацкому синоду Харбинская епархия, во главе которой стоял Харбинский митрополит Мелетий (Заборовский). В пределах Маньчжурии также оказались эмигрировавшие из России архиепископ Нестор (Анисимов) и епископ Димитрий (Вознесенский). См. *Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае. М. 1998, С. 47.*

¹⁰ См. об этом, например, в мемуарах митр. Евлогия. С. 556 и далее.

быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между нами нет фактических отношений». Далее митрополит Сергей предлагал заграничным архиереям «...встать на каноническую почву и подчиниться (временно) местной православной власти (...) и работать на пользу той церкви, которая вас приняла». Кроме того, в конце своего послания митрополит Сергей подтвердил факт закрытия покойным патриархом Тихоном русского заграничного синода.

Реализация предложений митрополита Сергея могла бы снять с Церкви в России ответственность за политическую деятельность зарубежного епископата перед лицом советского государства. Кроме того, как справедливо пишет протоиерей Георгий Митрофанов, «... вхождение русского эмигрантского духовенства в юрисдикцию Православных Поместных Церквей, на территории которых осуществлялось его церковное служение, позволяло этому духовенству пользоваться правом независимого суждения по всем, в том числе и связанным с политикой, вопросам русской церковной жизни...»¹¹.

Однако карловацкие архиереи не вняли слову митрополита Сергея, и распря с митрополитом Евлогием продолжилась. В январе 1927 года зарубежный синод постановил предать митрополита Евлогия на суд Собора архиереев, а вплоть до такого суда запретить его в священнослужении. При этом автономный округ митрополита Евлогия был лишен автономии, а на место запрещенного митрополита был назначен его первый викарий архиепископ Серафим (Лукиянов).

В ответ митрополит Евлогий заявил: «Исходящие (...) от заграничного Архиерейского Синода запрещения и другие меры по отношению ко мне, к моему духовенству и пастве не имеют никакой канонической силы, ибо Собор и заграничный Архиерейский Синод в нынешнем их составе не являются моей канонической властью и посему не могут вмешиваться в дела моей епархии и не могут вязать и решать духовную совесть вверенной мне пастве».

Отныне наша Западноевропейская митрополия становится на путь самостоятельного, независимого от заграничного Архиерей-

¹¹ Митрофанов Георгий, протоиерей. Указ. соч. С. 63—64.

ского Синода существования — так же, как независимо от него живут Американская Русская Православная Церковь с митрополитом Платоном во главе и со всеми его епископами, Латвийская Церковь с архиепископом Иоанном, Литовская с архиепископом Елевферием и другие...»¹² Таким образом, ко второй половине 1920-х годов в Западной Европе сложились две, не имеющие между собой общения церковные единицы, — сторонники карловацкого зарубежного архиерейского Синода («карловчане») и входящие в Русскую Западно-Европейскую митрополию (юрисдикции Московской Патриархии) приходы под каноническим водительством митрополита Евлогия (Георгиевского).

Однако еще до прихода Гитлера к власти в Германии внутрицерковная ситуация в Западной Европе претерпела некоторые существенные изменения. 1(14) июля 1927 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей направил митрополиту Евлогию письмо, в котором указывалось, что вопрос о заграничном духовенстве привлек внимание Московского Синода, образованного после «легализации» Московской Патриархии органами советской власти. «Не желая никому навязывать какой-либо политической программы, — говорилось в письме митр. Сергея, — Московская Патриархия не может, однако, оставаться равнодушной при виде такой (враждебной Советскому Союзу политической — *И. С.*) деятельности подведомственного ей духовенства, так как эта деятельность навлекает на Патриархию и даже православно-русское духовенство вообще совершенно ими не заслуженную и нежелательную для них ответственность». Исходя из этого Временный Св. Синод в Москве своим постановлением за № 95 предложил митрополиту Евлогию, «...а через него и всем заграничным русским Архипастырям и прочим священнослужителям дать письменное обязательство в такой форме: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящее обязательство в том, что ныне состоя в ведении Московской Патриархии, не допущу в своей деятельности общественной, в особенности же церковно-пастырской, ничего такого, что может быть принято за выражение моей нелояльности к Советскому Правительству»¹³.

¹² *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. С. 564.*

¹³ Цит. по: Церковь и время. 1988. № 2(5). С. 77—79.

Отказавшиеся дать такую подписку, а также нарушившие ее, подлежали увольнению от должности и исключению из клира Московской Патриархии с последующим поступлением в ведение «какой-либо автокефальной церкви смотря по территории или по своему желанию»¹⁴.

В своем ответе от 12 сентября 1927 г. за № 1823 митрополит Евлогий писал: «...с самого начала моей церковно-общественной деятельности в Западной Европе в основу ее мною положены два руководящих начала: первое — теснейшее, нерасторжимое единство с Матерью Русской Патриаршей Церковью, возглавлявшеюся Святейшим Патриархом Тихоном и возглавляемою ныне его законными правопреемниками, и второе — сосредоточение церковно-общественной деятельности исключительно на религиозно-нравственном воспитании паствы, с невмешательством Церкви в политическую жизнь (...). Что же касается до отношения нашего к Советской власти, то мы, русские эмигранты, не состоим в гражданстве Союза СССР, да и само правительство не считает нас таковыми, о чем объявило в особом декрете. По отношению к Советской власти мы находимся в таком же положении, как православные граждане Латвии, Литвы, Китая, Америки и Японии, которые, как и мы, принадлежат к единой Русской Православной Церкви». Именно поэтому митрополит Евлогий полагал, что принадлежность к Московской Патриархии не служит основанием для предъявления к эмигрантскому духовенству требования о «лояльности», т. е. законопослушности Советской власти. И тем не менее он дал подписку в следующем виде: «... в сознании своего долга перед Матерью Церковью во имя моей безграничной любви к ней, я обязуюсь твердо стоять на установившемся уже у нас, согласно заветам Святейшего Патриарха Тихона, положении о невмешательстве Церкви в политическую жизнь и не допускать, чтобы в подведомых мне храмах церковный амвон превращался в политическую трибуну»¹⁵.

Это обязательство было признано в Москве достаточным. «Связь с Московской Патриархией сохранилась, — вспоминал митрополит Евлогий, — но не прочная, слабая, вот-вот готовая по-

¹⁴ Церковь и время. 1988. № 2(5). С. 77—79.

¹⁵ Там же. С. 82.

ваться. Каждое мое неосторожное слово подвергалось в Москве критике и осуждению. В течение трех лет между митрополитом Сергием и мною поддерживалась тягостная, безрезультатная полемика»¹⁶.

Окончательный разрыв митрополита Евлогия с Московской Патриархией произошел летом 1930 г. после участия митрополита в молитве за страждущую гонимую Русскую Церковь в Лондоне. В ответ на это, несомненно, под давлением со стороны чекистских органов, определением митрополита Сергия и его Синода от 10 июня 1930 г. за № 108 митрополит Евлогий был уволен от управления русскими церквями в Западной Европе с поручением временного управления ими викарному архиепископу Западно-Европейской митрополии Владимиру (Тихоницкому)¹⁷.

Это распоряжение митрополита Сергия и его Синода прямо противоречило решениям Великого Московского Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917—1918 гг., согласно которым никто из клира или мирян не может быть подвергнут церковному прещению за политические убеждения. «Мне не предъявлено обвинения ни в каком преступлении церковного характера, — писал митрополит Евлогий в ответе митр. Сергию в связи с Указом 10 июня 1930 года. — Я обвиняюсь лишь в том, что не сдержал своего обязательства быть лояльным к Советской власти, т. е. преступлении государственном, политическом. Но если бы и было в действительности такое преступление, неужели оно достаточно для того, чтобы за него без суда, в порядке административном, уволить меня, как епархиального епископа, от управления епархией?»¹⁸.

Дальнейшая переписка митрополитов Евлогия и Сергия не привела к отмене Указа Московской Патриархии от 10 июня 1930 г. и 24 декабря 1930 г. из Москвы поступило Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и его Синода за № 16 о подтверждении Указа 10 июля, о роспуске Парижского Епархиального Управления (Епархиальных Совета и Собрания) и о за-

¹⁶ *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.* С. 567.

¹⁷ См. раздел «Документы из архива Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата» // *Церковь и время.* 1999. № 1(8). С. 218—219.

¹⁸ Там же. С. 224.

прещении митрополиту Евлогию и единомышленными с ним епископам «принимать участие в Церковном управлении и совершать рукоположения впредь до их покаяния»¹⁹.

Ввиду отказа архиепископа Владимира (Тихоницкого) вступить в управление Западно-Европейскими приходами, руководство этими общинами было возложено на Литовского митрополита Елевферия (Богоявленского), остававшегося в юрисдикции митрополита Сергия. В подчинение митр. Елевферию из подведомственных митрополиту Евлогию епископов перешел лишь бывший Севастопольский епископ Вениамин (Федченков).

В начале 1931 года митрополит Евлогий обратился во Вселенскую Патриархию за третейским судом. 17 февраля 1931 года Константинопольский патриарх Фотий II подписал грамоту, в которой говорилось:

«По долгу и праву попечения Святейшего Патриаршего Вселенского Престола (...) Мы синодальным определением постановили, чтобы все Русские Православные приходы в Европе, сохраняя неизменною и неумаленною доселе существующую свою самостоятельность, как особой Русской Православной церковной организации, и свободно управляя своими делами, рассматривались бы впредь, как составляющие временно единую особую экзархию Святейшего Патриаршего Вселенского Престола на территории Европы, непосредственно от него зависящую, под его покровительством находящуюся и в церковном отношении, где нужно, им руководимую»²⁰.

Таким образом, в Западной Европе для русских православных приходов образовалось две канонические юрисдикции — Московская Патриархия и приходы Русского Западно-Европейского экзархата Константинопольской Патриархии. Помимо того, сохранялись также приходы, находившиеся в ведении архиерейского синода т. н. Русской православной зарубежной церкви. При таком положении существовала Православная Церковь в Западной Европе к моменту прихода Гитлера к власти.

¹⁹ См. раздел «Документы из архива Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата» // Церковь и время. 1999. № 1(8). С. 258—259.

²⁰ *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.* С. 573.

В предисловии к книге М. В. Шкаровского следует сказать и о положении православных приходов в других регионах, относящихся к канонической территории Московского Патриархата.

Известно, что Первая мировая война, падение самодержавия в России и война Гражданская привели к существенным территориальным изменениям в Европе. Значительная часть бывшей Российской империи оказалась за пределами СССР. На бывших окраинах царской России возникли самостоятельные государства — Финляндия, Литва, Латвия и Эстония, была восстановлена государственная независимость Польши. Местные национальные правительства взяли курс на отделение православных приходов своих стран от Московского Патриархата с тем, чтобы утвердить свою государственную и культурную независимость от России.

В Финляндии с января 1918 г. самостоятельным правящим епископом стал преосвященный Серафим (Лукиянов), удостоенный в 1920 г. сана архиепископа. В 1921 г., ввиду отделения Финляндии от России, Собор Финской Церкви запросил у патриарха Тихона полной самостоятельности, которая была дарована в 1921 году. Однако правительство Финляндии продолжало свою политику, направленную на окончательный отрыв местных православных приходов от Русской Церкви. В конечном счете, архиепископ Серафим из-за своего несогласия с переводом Финляндской Церкви под юрисдикцию Константинополя, был устранен от церковного управления и заточен в Коневецкий монастырь. Вскоре ему удалось покинуть Финляндию. Митрополит Евлогий перевел его в Лондон в качестве своего викария. Сменивший архиеп. Серафима викарный епископ Герман (Аав), получивший епископскую хиротонию от Константинопольской Патриархии, при поддержке правительства добился подчинения Финляндской Церкви Вселенскому Престолу. Канонические отношения Русской и Финской Православных Церквей были прерваны вплоть до 1957 г.

В Эстонии и Латвии местным православным Церквям патриархом Тихоном была предоставлена широкая автономия. В Ревель (Таллин) был назначен епископ Прохоровский Александр (Паулус) с возведением в сан архиепископа. Известно, что президент Эстонии Пятс, принадлежавший к православному вероисповеданию, выступал с инициативой объединения всех прибалтийских православных приходов в единую Православную Церковь Балтии, неза-

висимую от Московской Патриархии, однако от претворения в жизнь этого плана пришлось отказаться уже в 1920-х гг. В 1923 году преосвященный Александр (Паулус) обратился к Константинопольскому патриарху Мелетию с просьбой принять Эстонию под свое духовное окормление. 7 июля 1923 года патриарх предоставил Эстонской Церкви томос об автономии в юрисдикции Вселенского престола. В таком положении Эстонская Церковь находилась вплоть до 1940 года, когда прибалтийские территории были присоединены к СССР²¹.

В Латвии, где согласно Указу Святейшего патриарха Тихона за № 1026 от 19 июля 1921 г. местной Православной Церкви была предоставлена автономия, управление православными приходами осуществлялось архиепископом Иоанном (Поммером)²². Благодаря церковной политике этого архипастыря Церковь Латвии сохранила свой канонический статус и не разорвала духовной общности с Московским Патриархатом. Правда, архиепископ Иоанн не принял Декларации митрополита Сергия и его Синода, однако, имея ясное церковное сознание, канонической связи с Москвой не прерывал.

В ночь с 11 на 12 ноября 1934 г. архиепископ Иоанн погиб на своей даче в деревянном доме на Киш-Озере во время пожара. По некоторым данным, пожар был устроен подосланными убийцами. Преступление это не было раскрыто.

После кончины архиепископа Иоанна Латвийское правительство стало грубо вмешиваться в дела Православной Церкви с целью принудить ее перейти в каноническое подчинение Константинопольской Патриархии. 22 июля 1935 г. Министерство внутренних дел Латвии заявило Латвийскому Синоду, что его члены в обязательном порядке должны сообщать обо всех своих заседаниях представителю правительства Элкситису. По инициативе последнего, с целью не допустить выбора на Рижскую кафедру нежелательного для правительства кандидата, Министерство внутренних дел даже перенесло сроки созыва Собора местной Православной Церкви. Под нажимом правительства при участии

²¹ См. об этом подробнее: *Алексий (Ридигер), патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии*. М., 1999.

²² См. о нем: *Келлер Л.* Никем не сломленный. Жизнь и мученическая кончина архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). М., 1999.

Элкснитиса состоялась отставка неугодных членов Латвийского Синода.

27 мая 1935 г. митрополит Сергей (Страгородский) и его Синод назначили (впредь до выборов нового главы Латвийской Церкви) управляющим Литовской епархией митрополита Елевферия (Богоявленского). Однако под давлением правительства «обновленный» состав Латвийского Синода отказался принять «ставленника Москвы». 3 ноября 1935 года по приглашению Министерства внутренних дел Латвии в Ригу прибыл представитель Константинопольского Патриарха митрополит Герман, и уже через неделю Латвийский Синод подал Константинопольскому патриарху прошение о приеме Латвийской Православной Церкви в его юрисдикцию. 19 ноября Кабинет министров Латвии одобрил это решение, но внезапная кончина патриарха Фотия нарушила гладкий ход событий. Поэтому переход Латвийской Православной Церкви в юрисдикцию Константинополя был оформлен лишь в начале 1936 г.

С февраля 1936 г. Латвийская Православная Церковь стала называться Латвийской Митрополией с двумя викариатствами — Елагавским и Ерсикским. 29 марта 1936 г. митрополит Фиатирский Герман возглавил хиротонию во епископа с возведением в сан митрополита (!) Рижского и всея Латвии Августина (Петерсона). После вхождения Латвии в состав СССР в 1940 г. митрополит Августин принес покаяние Московской Патриархии и вплоть до прихода немцев находился в ее юрисдикции, пребывая на покое²³.

Иначе, чем в Эстонии и Латвии, обстояло дело в Литве. Литовская епархия в результате гражданской войны оказалась разделенной государственной границей между Литвой и Польшей. Епархиальный центр архиепископа (впоследствии митрополита) Литовского и Виленского — г. Вильно вместе с Виленским краем оказался в границах Польши, правительство которой, так же как мы видели на примере Финляндии и прибалтийских территорий, не считаясь с канонами, стремилось оторвать епархии Польши от Москвы. «Литовские власти не настаивали на отделении Литов-

²³ Подробнее см.: Кулис А. К вопросу об автокефалии Латвийской Православной Церкви в 30-х годах XX века // Православие в Латвии. Ч. 1. Рига, 1993. С. 65—73; Озолиньш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Православие в Латвии. Ч. 2. Рига, 1997. С. 13—29.

ской епархии от Московской Патриархии отчасти потому, что православных в республике было сравнительно мало, а среди литовцев почти не было. К тому же Литовское правительство в своих притязаниях на Вильну, отторгнутую Польшей, встречало поддержку со стороны правительства СССР»²⁴.

Надо также отметить, что в отличие от Латвии и Эстонии, где православное меньшинство состояло главным образом из эстонцев и латышей, в Литве православие было религией национальных меньшинств русских и белорусов. Поэтому католическая Литва была даже заинтересована в том, чтобы церковное начальство православных находилось за ее пределами, чем подчеркивалось «иноплеменность» православия для литовцев.

В соответствии с Рижским договором 1921 г. в состав Польши вошли также Западная Белоруссия и Западная Украина. В сентябре 1921 года Московский Св. Синод Указом за № 1424 постановил назначить на Варшавскую кафедру архиепископа Минского и Туровского Георгия (Ярошевского). На вновь учрежденную Пинскую и Новогрудскую кафедру патриархом Тихоном был назначен епископ Пантелеимон (Рожновский). Из других архиереев (кроме архиеп. Елевферия) в Польше находились также епископ Кременецкий Дионисий (Валединский), епископ Гродненский Владимир (Тихоницкий)²⁵, епископ Сергей (Королев), назначенный на Холмскую кафедру, живший в Яблочинском монастыре и в мае 1922 г. высланный Польским правительством за границу²⁶. В 1922 г. архиепископ Георгий был возведен в сан митрополита, а Польской Церкви было предоставлено право широкой автономии.

Несмотря на то, что Польская конституция 1921 г. гарантировала веротерпимость, Министерство исповеданий и народного просвещения Польши произвольно вмешивалось в церковные дела. Кроме того, Польское правительство начало т. н. «ревиндикацию» — отобрание православных храмов и возвращение их преж-

²⁴ Цыпин Владислав, *протоиерей*. История Русской Церкви. М., 1997. С. 221.

²⁵ См. о нем: Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник (1873—1959). Париж. 1965; Духовный облик и архипастырские труды митрополита Владимира // Слова и поучения блаженной памяти митрополита Владимира. Париж. 1961.

²⁶ См. о нем: Памяти владыки Сергея Пражского. Нью-Йорк. 1987.

нему владельцу — Католической Церкви²⁷. Кроме того, Сейм Польской республики санкционировал разрушение величественного Варшавского кафедрального православного собора, как «памятника польской неволи». Разрушение Варшавского собора во имя св. Александра Невского затянулось на несколько лет и происходило далеко не гладко. Некоторые польские газеты во время разрушения собора были преисполнены чувства озлобления и недоумения по поводу необычной прочности здания. При разборке собора разрушители испытали непригодность многочисленных приспособлений для разрушения, перепортили громадное число всяческого инструмента и техники, переранили и перекалечили до десятка рабочих, а один из участников разборки — Союз Строительных Кооперативов успел обанкротиться на деле разрушения еще до завершения всех работ. Мощные взрывы, проведенные в здании, искалечили его, но не привели к обрушению. На третьем году разборки к делу подключилось городское самоуправление. От масштабных взрывов пострадало немало окрестных зданий, поэтому разборщики стали применять «взрывы локальные», каждый из которых разбивал не более кубического метра стены. От этих «малых взрывов» окончательно нарушилось спокойствие жителей окрестных районов²⁸. Кроме Варшавы были разрушены православные соборы в Люблине, Калише, Влоцлавке, Плоцке и Кельцах. В кафедральном городе архиепископа Литовского Елевферия был отобран в пользу католиков Виленский собор, Благовещенская церковь, женский Мариинский монастырь²⁹.

В июне 1922 г. Собор православных епископов в Польше, состоявшийся в Варшаве, тремя голосами — митр. Георгия, епископов Дионисия и Александра (Иноземцева) против двух — Виленского Елевферия и Белостокского Владимира высказался за установление автокефалии Польской Церкви, сделав оговорку, что Польское правительство будет добиваться благословения на это деяние Константинопольского патриарха и глав других автоке-

²⁷ Часть этих храмов ранее принадлежала католикам и была отобрана у них царским правительством после польских восстаний 1831 и 1862 гг.

²⁸ *Савитич А. К.* Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь в Польше и на Украине в XX столетии (1917—1950). МПИЦ. Кн. 14. М., 1997.

²⁹ Воскресное чтение. 28 марта 1926 г. №13. С. 205—206.

А
фальных Церквей, в том числе и Русской, если патриарх Тихон «будет восстановлен в своей должности»³⁰.

В июне 1922 г. Епархиальный Съезд духовенства и мирян в Вильно решительно высказался против автокефалии Польской Церкви. «...Епархиальное Собрание духовенства и мирян Литовской епархии, — говорилось в принятой на съезде резолюции, — вынуждено заявить от лица всей Литовской паствы, что она по-прежнему, доколе этот вопрос не решится в каноническом порядке, считает себя нераздельной частью той церкви, к которой она до сего времени принадлежала, что в этот час, когда Святейший Патриарх (Тихон — *И. С.*) находится в заточении, она чувствует особенно тесную духовную связь с Ним...»³¹. Аналогичную резолюцию принял Епархиальное Собрание в Гродно.

Принятие этих постановлений стоило епархиальным преосвященным Елевферию и Владимиру их кафедр. Осенью 1922 г. состоялось определение созданного митр. Георгием (Ярошевским) Синода об увольнении архиепископа Елевферия от управления Виленской епархией в пределах Польши, считая его Архиепископом Литовским только в пределах Ковенской Литвы. В канун праздника Покрова Божией Матери Польское правительство арестовало архиеп. Елевферия в его покоях и выслало в Краков, а через 4 месяца — в столицу Литвы г. Ковно. Здесь архиеп. Елевферий пробыл вплоть до Второй мировой войны и скончался в сане митрополита 31 декабря 1940 г.³² На Виленскую епархию был назначен архиепископ Феодосий (Федосьев).

8 февраля 1923 года архимандрит Смарагд (Латышенков) выстрелом из револьвера убил митрополита Георгия (Ярошевского). Архиепископ Дионисий, находившийся в это время в нижних комнатах митрополичьего дома, несмотря на намерение архимандрита Смарагда убить и его, остался жив. Вскоре архиепископ Дионисий

³⁰ См. *Скурят К. Е.* История Поместных Православных Церквей. М., 1994. Т. 2. С. 161.

³¹ *Свитич А. К.* Указ. соч. С. 115.

³² В Ковно митрополит Елевферий имел возможность беспрепятственно сноситься с Московской Патриархией. В 1928 г. он даже предпринял поездку в Москву, о которой оставил свои воспоминания. См. *Елевферий (Богоявленский), митрополит.* Неделя в Патриархии. Впечатления и наблюдения от поездки в Москву // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. МПЦ. Кн. 5. М., 1995. С. 173—179.

был избран на Варшавскую кафедру. Интронизация нового митрополита состоялась 23 апреля 1923 г. Новый митрополит продолжил курс своего предшественника на получение незаконной автокефалии Польской Церкви.

Эта автокефалия была дарована 13 ноября 1924 г. патриархом Константинопольским Григорием VII за три дня до его кончины. Официальное провозглашение автокефалии задержалось почти на год из-за нестроений в Константинопольской Патриархии³³. Резкий протест против этой автокефалии высказывался митрополитом Евлогием (Георгиевским) и митр. Сергием (Страгородским), однако карловацкий синод поспешил установить с православными иерархами в Польше «молитвенное и братское общение»³⁴.

Глава карловацкого синода митрополит Антоний (Храповицкий) занимал в отношении польской автокефалии непоследовательную позицию. Поначалу он высказывался против этой автокефалии. Однако в 1925 г. в Бухаресте, на торжествах по случаю интронизации Румынского патриарха Мирона, состоялась встреча между митрополитами Антонием и Дионисием (Валединским), связанными между собой отношениями давней личной дружбы. В ходе этой встречи, по сообщению митр. Дионисия, сделанном на заседании Польского Синода в конце 1925 года, между карловчанами и Польской автокефальной Церковью установились «добрые отношения»³⁵.

В начале 1926 года в газете «Новое время» была опубликована статья митрополита Антония (Храповицкого) «Православная Церковь в Польше», в которой корректировалась прежняя позиция по отношению к польской автокефалии. Митрополит Антоний говорил, что он не может требовать от Польской Церкви воссоединения с Церковью Русской, так как сношения с Москвой не только затруднительны, но и невозможны и призывал своих собратий «забыть старые обиды и не раздирать хитона Христова далее»³⁶.

Правда, архиерейский собор в Сремских Карловцах в 1926 году вновь выступил против автокефалии Церкви в Польше, а известный еще до революции 1917 г. своими погромными выступле-

³³ Скурат К. Е. Указ. соч. Т. 2. С. 164.

³⁴ Там же. С. 166.

³⁵ Воскресное чтение. 21 февраля 1926 г. № 8. Варшава. С. 120.

³⁶ Воскресное чтение. 7 марта 1926 г. № 10. С. 158.

ниями б. Почаевский архим. Виталий (Максименко), в выпущенном им «Церковном календаре» за 1927 г., резко осуждал гонения на православных в Польше, польскую автокефалию, а также преследование епископов, не согласных с этим незаконным деянием.

Однако 2 ноября 1926 г., после своего раскола с митрополитами Платоном и Евлогием, митрополит Антоний вновь занял примирительную позицию по отношению к Польской автокефалии. Рассмотрев это послание, Синод Польской Церкви во главе с митр. Дионисием на своей ноябрьской сессии 1926 г. постановил уведомить митр. Антония, что Польская Церковь признает «...Собор Архиереев Автономной Заграничной Русской Церкви законной канонической властью в этой Церкви, выступления против этой власти Митрополитов Евлогия и Платона считает антиканоническими и антидисциплинарными и с любовью приветствует заявление Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония о восстановлении общения Русской Заграничной Церкви с Польской Православной Церковью, общения, доселе не состоявшегося по вине таких же любителей антиканонических и антидисциплинарных выступлений против законной власти, какими заявили себя Митрополиты Евлогий и Платон, вместе с одним из штрафованных б. польских епископов»³⁷.

Надо сказать, что в эти годы в злоумном окружении митрополита Антония в Карловцах зрела мысль о провозглашении его патриархом Московским и всея Руси и создании за границей «Всероссийского церковного центра», который, по крайней мере, теоретически, взял бы на себя «управление Церковью в России».

Видя по сути отрицательную позицию митрополита Евлогия по отношению к автокефалии Польской Церкви, митр. Дионисий и его Синод заняли в конфликте между митрополитами Антонием, Платоном (Рождественским) и Евлогием сторону карловацкого синода, очевидно рассчитывая на благосклонность митрополита Антония. В феврале 1927 года, после очередного ареста в Москве заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), орган Польской Церкви «Воскресное чтение» писал, что выход из церковного кризиса в России нужно искать за ее пределами. «Нужно, — говорится в передовой статье журна-

³⁷ Воскресное чтение. 16 января 1927 г. № 3. С. 24.

ла, — чтобы русские Епископы-эмигранты задумались над гибельным положением Матери-Церкви и пришли Ей на помощь. Необходимо, чтобы они организовали высшее управление для Российской Церкви за границей. Не следует, по нашему мнению, останавливаться перед тем, что управление из-за границы не строго согласуется с канонами Церкви. (...) Нужно спасти Русскую Православную Церковь, а там, на месте не строго относились к точности выполнения канонических требований. В самом деле, разве единоличное назначение Патриархом местоблюстителей, а сими последними своих заместителей — явление канонического порядка? (...) А между тем, кто в настоящее время дерзнул бы проявить такое жестосердие, что осудил бы это антиканоническое явление, вызванное исключительными обстоятельствами для блага и спасения Церкви?! Не сомневаемся, что и организация и управление для всей Русской Церкви за границей вызвала бы у всех любящих Православную Церковь и верующих людей только глубокий вздох облегчения, а история, безусловно, оправдает этот неизбежный ныне шаг»³⁸.

Говоря о положении православия в Польше, следует также упомянуть о насильственной полонизации, проводимой Польским правительством в отношении непольского населения и, в том числе, в отношении Православной Церкви в Западной Белоруссии, входившей в состав Польши. Вместо преподавания Закона Божия на русском языке — вводили польский, в 1938 г. от духовенства потребовали произнесения проповедей на польском языке и т. д.³⁹ Эти действия вызывали протест населения Западной Белоруссии.

На территории Западной Украины, также входившей в состав Польши, проводилась политика насаждения католицизма, в том числе через «ревиндикацию» православных храмов и т. н. «восточный обряд». Благодаря «разрушительной любви» польских католиков к православным значительная часть православных храмов была отобрана⁴⁰.

³⁸ Воскресное чтение. 27 февраля 1927 г. № 9. С. 121.

³⁹ *Афанасий (Мартос), архиепископ*. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск, 2000. С. 316.

⁴⁰ См. подробнее: *Николаев К. Н.* Восточный обряд. Париж, 1950. С. 134 и далее.

В предисловии к книге М. В. Шкаровского хотелось бы также обратить внимание читателей на то обстоятельство, что германские власти оказывали фактическое покровительство карловацкому расколу. Желая исключить из истории этот позорный для карловчан факт, некоторые современные представители этой организации пытаются представить дело так, что позиция карловацкого митрополита Серафима (Ляде) по отношению к нацистским властям была лишь его «личной инициативой». На самом же деле тогдашний возглавитель карловацкого синода митрополит Анастасий (Грибановский) нигде и никогда не высказывался против этой позиции своего ближайшего помощника. К тому же митрополит Серафим был, хотя и не «юридическим», но, по сути дела, фактическим руководителем карловчан на значительной территории Европы. Сам же митрополит Анастасий, писавший в 1938 г. приветственный адрес Гитлеру по случаю сооружения Берлинского собора, в годы Второй мировой войны был фактически отрешен немцами от церковного управления. К тому же совершенно недопустимо разделять позицию правящего митрополита Серафима (Ляде) от позиции Германской карловацкой епархии, да и от позиции карловацких властей в целом.

К сожалению, профашистские настроения имели определенное влияние в среде русских эмигрантов накануне Второй мировой войны. Так, например, в Харбине на русском языке была издана книга Гитлера «Моя борьба» (издательство «Гонг», перевод Ю. Крузенштерна). Здесь же издавался ежедневный «орган фашистского движения» газета «Наш путь» (редактор К. В. Родзаевский). В Болгарии откровенно профашистской являлась издававшаяся Иваном Солоневичем газета «Голос России». Эти примеры можно было бы продолжить.

Скажем несколько слов и о «власовском движении», которое никоим образом нельзя смешивать с фашизмом и нацизмом. «Власовских подразделений» не существовало вплоть до Пражского власовского конгресса (осень 1944 г.), принявшего особый манифест. До этого времени существовали части Русской освободительной армии (РОА) в составе немецких вооруженных сил. Эти подразделения РОА в обиходе ошибочно называли «власовскими»,

хотя сам генерал Власов в это время фактически находился под домашним арестом в пригороде Берлина. На самом деле части РОА не имели административного отношения к генералу Власову (официально они назывались Hilfswillige, т. е. вспомогательные добровольческие части германской армии).

Обо всем этом надо помнить читателю книги М. В. Шкаровского.

Илья СОЛОВЬЕВ

Введение

Различные аспекты истории двух наиболее значительных тоталитарных режимов XX века — национал-социалистического в Германии и коммунистического в Советском Союзе, в частности их религиозная политика, постоянно находятся в поле зрения исследователей и широкой общественности. Не меньший интерес представляет и ответная реакция христианских Церквей, среди которых была одна — Русская Православная Церковь (РПЦ), привлекавшая внимание руководителей обоих режимов и в полной мере испытывавшая на себе воздействие их политики.

Предлагаемая читателю работа посвящена малоизученной, но актуальной в силу возрождения Церкви в России теме. Актуальность ей придает и активное развитие в последние годы российско-германских отношений, в том числе в церковной области, а также существенное расширение сферы деятельности Русской Православной Церкви в Германии в связи с последней волной эмиграции из России. При этом деятельность Православной Церкви в Германии во многом продолжают регулировать законы, принятые в 1936—1938 гг. Новая российская государственность по-прежнему стоит перед необходимостью выработки своей модели религиозной политики, и исторический опыт такой политики в Германии (как позитивный, так и негативный — преобладавший в исследуемый период) мог бы представлять определенный интерес.

Предмет исследования — исторический опыт формирования, осуществления государственной политики нацистской Германии в отношении Русской Церкви и развитие последней как института и социального организма в III Рейхе и на оккупированной территории балканских государств, Польши и СССР. Важнейшие акценты нацистской политики заключались в проведении Рейхсминистерством церковных дел (с 1944 г. Reichskirchenministerium, сокращенно РКМ) во второй половине 1930-х гг. унификации русских приходов и планировании создания автокефальной Германской Православной Церкви; попытке после начала войны с СССР расколоть Русскую Церковь на несколько враждующих течений и в то

же время пропагандистски использовать стихийное религиозное возрождение на занятых восточных территориях; намерениях после окончания войны создать для народов Восточной Европы новую псевдорелигию. Хронологические рамки работы обусловлены необходимостью выделить важный и относительно целостный период церковной политики германского государства, когда ей уделялось заметное внимание высшим руководством III Рейха.

При работе над книгой автор ставил перед собой следующие задачи:

1. Определение факторов, влиявших на немецкую политику по отношению к Русской Православной Церкви.
2. Выделение ее этапов и их основных характеризующих черт, изучение деятельности органов, непосредственно осуществляющих данную политику, выявление ее целей и результатов.
3. Определение реакции различных юрисдикций и течений Русской Церкви на действия национал-социалистических ведомств.
4. Изучение феномена религиозного возрождения на занятых восточных территориях — выяснение его причин, масштабов и последствий.
5. Рассмотрение воздействия немецкой церковной политики на изменение политики правительства СССР в религиозном вопросе.

Некоторые аспекты избранной темы уже привлекали внимание различных ученых из разных стран. Выходившие ранее исследования можно условно разделить на пять групп. Труды историков Советского Союза несли сильный идеологический отпечаток официального негативного отношения к религии. Церковь в них зачастую представлялась реакционным антинародным институтом. Германская религиозная политика на Востоке рассматривалась как пропагандистская и показная, а советские органы власти изображались только в положительном виде. Активная патриотическая деятельность Московской Патриархии в годы войны, как правило, замалчивалась. Даже в той части военно-документальной литературы, где в первых изданиях упоминались имена священнослужителей, принимавших участие в партизанском движении, из последующих изданий их изъяли. Так, в книге И. Шубитыдзе «Полесские были» 1969 г. выпуска они есть, а уже в издании 1974 — от-

сутствуют¹. В то же время делался акцент на сотрудничестве некоторых священников с гитлеровцами. Этому вопросу уделялось внимание и при публикации сборников документов, и в специальных работах².

Только с середины 1980-х гг. положение стало меняться. В своей последней книге Н. С. Гордиенко давал уже более взвешенную оценку деятельности духовенства и паствы в военное время, хотя и отталкивался от постулата, что война как массовое страдание и всенародное горе была стимулятором роста религиозности, а духовенство использовало беды людей для усиленного насаждения религиозных чувств³. Этот же автор совместно с другими выпустил две книги, посвященные истории Русской Православной Церкви за рубежом, где затрагивалась и тема ее сотрудничества с нацистским режимом. В соответствии с господствовавшими в СССР стереотипами советские историки обвиняли все духовенство Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) в «социальном предательстве» и «национальной измене»⁴. Специально германской религиозной политике и церковной жизни на оккупированной территории СССР были посвящены лишь две небольшие книги З. Балевица и Я. Веверса, которые уделили главное внимание деятельности Псковской Православной Миссии и Прибалтийского экзархата Московской Патриархии в 1941—1944 гг.⁵ Обе они далеки от объективности, но если Я. Веверс видит в Псковской Миссии лишь агентуру фашистской разведки, то З. Балевич все же более правдив. Он указывает на противоречивость политики главы Прибалтийского экзархата митрополита Сергия (Воскресенского) и на его отнюдь не прогерманские симпатии.

До конца 1980-х гг. работы священнослужителей и мирян Московской Патриархии по избранной теме ограничивались статьями

¹ *Шубитыдзе И.* Полесские были. Минск, 1969.

² Документы обличают. Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Минск, 1964; *Суглобов Г. А.* Союз креста и меча. М., 1969.

³ *Гордиенко Н. С.* Современное русское православие. Л., 1988.

⁴ *Гордиенко Н. С., Комаров П. М., Курочкин П. К.* Политиканы от религии. Правда о «русской зарубежной церкви». М., 1975; *Гордиенко Н. С., Комаров П. М.* Обреченные. О русской эмигрантской псевдоцеркви. Л., 1988.

⁵ *Балевиц З. В.* Православная церковь Латвии под сенью свастики (1941—1944). Рига, 1967; *Веверс Я. Я.* Православная духовная миссия — агентура фашистской разведки. Рига, 1973.

в церковном журнале и несколькими небольшими рукописями⁶. Специальных же изданий почти нет⁷. Одним из исключений является небольшая брошюра П. К. Раины, посвященная участию православного духовенства Белоруссии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками⁸. Автор, сам партизан, после войны окончивший духовную академию, сообщает ценные, неизвестные ранее сведения. Так, в книге содержатся свидетельства участников партизанского движения об активной помощи им митрополита Украинской автокефальной Церкви Александра (Иноземцева). В 1985 г., к сорокалетию победы в Великой Отечественной войне, планировалось издать сборник о патриотической деятельности Русской Церкви, но он так и не вышел. Лишь небольшая часть из собранных для него материалов была опубликована в 1995 г. в журнале «Наука и религия»⁹.

Неизданный сборник частично заменила книга В. Якунина. В ней можно найти сведения об антинацистской позиции православного духовенства как на советской, так и на оккупированной территории СССР, упоминается и участие в борьбе с гитлеровским режимом чешских священнослужителей и Брюссельского архиепископа Александра (Немоловского)¹⁰. Военному периоду истории Русской Православной Церкви определенное внимание уделял протоиерей Владислав Цыпин, но новых источников он при этом практически не исследовал, ограничиваясь использованием уже опубликованных материалов¹¹. На труды церковных историков сильно влияла их юрисдикционная принадлежность. Резко отрица-

⁶ *Сергий (Ларин), епископ*. Православие и гитлеризм. Одесса, 1946—1947. Рукопись; *Павлов С.* Церковная жизнь Ленинграда во время блокады 1941—1944 гг. Л., 1983. Рукопись.

⁷ Великую победу предопределила победа духовная // Вятский епархиальный вестник. № 5. 1992. С. 3—4; *Якунин В. Н.* Велик Бог земли русской // Военно-исторический журнал. № 1. 1995. С. 37—41; *Цыпин Владислав, протоиерей*. Патриотическое служение Русской Православной Церкви в Великую Отечественную войну // Новая и новейшая история. № 2. 1995. С. 41—47.

⁸ *Раина П. К.* За веру и отечество: очерки. Л., 1990.

⁹ Священники на фронте // Наука и религия. № 5. 1995. С. 4—6; Партизанский акафист // Наука и религия. № 5. 1995. С. 6—8.

¹⁰ *Якунин В.* За веру и отечество. Самара, 1995.

¹¹ *Цыпин Владислав, протоиерей*. История Русской Православной Церкви. 1917—1990. Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994; *Его же*. История Русской Церкви 1917—1997. М., 1997.

тельно оценивались все реформистские течения, не одобрялась и деятельность РПЦЗ. С другой стороны, всячески доказывалась оправданность церковной позиции руководства Московской Патриархии, несколько идеализировалось его отношения с советской властью.

Современные светские российские историки (В. А. Алексеев, М. И. Одинцов) при характеристике военного периода очень большое внимание уделяют предпосылкам и обстоятельствам встречи в Кремле 4 сентября 1943 г. И. В. Сталина с руководством Московской Патриархии¹². В этом плане от их книг выгодно отличаются работы О. Ю. Васильевой, диссертация которой в значительной степени была посвящена исследованию основных направлений и объективной оценке патриотической деятельности Русской Церкви, ее вклада в общенародное дело достижения победы в войне. Изучались в диссертации боевой путь танковой колонны имени Дмитрия Донского, построенной на средства верующих; деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви, созданного в 1943 г.; история Православной Церкви в период оккупации на территории Северо-Запада России и отчасти Белоруссии. Кроме того, в своих статьях, опубликованных в 1990-е годы, Васильева освещала «сталинскую» религиозную политику, в том числе в плане ее реакции на действия германских властей¹³. Но указанный исследователь в русле прежних представлений несколько преувеличивает пронацистскую направленность деятельности русских архиереев на оккупированной территории. Влияние догм советской историографии сказалось и на журнальных публикациях М. И. Одинцова, брошюре Б. Н. Ковалева, где по-прежнему подчеркивался пропагандистский и показной характер немецкой церковной политики¹⁴. Новый характер в этом плане имели две ста-

¹² Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 332—246; Одинцов М. И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 57—62.

¹³ Васильева О. Ю. Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной войны. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1990; *Ее же*. Русская Православная Церковь в 1927—43 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35—46.

¹⁴ Ковалев Б. Н. Духовно-нравственная сфера — объект противостояния в годы Великой Отечественной войны. Нижний Новгород, 1993.

ты в журнале «Наука и религия», подготовленные на базе трофейных документов III Рейха¹⁵, и небольшая книга нижегородского историка А. А. Корнилова¹⁶.

Значительный вклад в изучение истории русских православных приходов на территории Германии в 1933—1945 гг. внесла книга молодого московского ученого А. К. Никитина¹⁷. На большом архивном материале автор опроверг утверждения о пронацистском характере деятельности руководства Германской епархии РПЦЗ, попытался проанализировать взаимоотношения различных русских православных юрисдикций с германскими ведомствами, определить цели и этапы соответствующей политики нацистского режима. Правда, изучение этой политики относительно только к территории III Рейха сильно затруднило выявление ее общих закономерностей и особенностей. Оказались и определенные пробелы в источниковой базе — использование только российских архивов, в то время как большинство документов по этой теме все-таки хранится в Германии. Поэтому, например, Никитин фрагментарно осветил окормление русскими священниками военнопленных и восточных рабочих в 1941—1945 гг., писал только о попытке создания православного Богословского института в Берлине, не зная, что подобная попытка ранее предпринималась в Бреслау и т. д. В целом же эта книга, несомненно, представляет большую научную ценность, и с большинством выводов автора можно согласиться.

В четвертую группу входят работы русских эмигрантов. В свою очередь, они подразделяются на две части — посвященные религиозной ситуации в годы войны на территории СССР и освещающие историю РПЦ за границей в 1930-е—1945 гг. Определенный интерес представляют воспоминания священников, служивших в период оккупации, и биографическая книга журналиста В. Самарина о периодических изданиях, выходивших на занятых

¹⁵ Третий Рейх и православная церковь // Наука и религия. № 5. 1995. С. 22—25; Откровения бывшего штурмбаннфюрера СС, доктора теологии и философии Карла Нейгауза // Наука и религия. № 6. 1995. С. 8—16.

¹⁶ Корнилов А. А. Преображение России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941—1944 гг.). Новгород, 2000.

¹⁷ Никитин А. К. Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933—1945). М., 1998.

восточных территориях¹⁸. Из всех оккупированных регионов наибольшее внимание эмигрантские историки уделяли религиозной ситуации на Украине, где в 1941—1943 гг. шла острая борьба между автокефальной и автономной (в составе Московской Патриархии) Украинскими Православными Церквями¹⁹. Первая из них однозначно оценивается как схизматическая, неканоничная и в определенной степени сотрудничавшая с оккупантами, вторая же представляется подлинно народной и законной Церковью. Указанные работы носят откровенно полемический характер и строго говоря не являются научными исследованиями.

Патриотическая позиция Московской Патриархии оказалась непонятной для многих зарубежных специалистов, ожидавших от нее проведения антисоветской линии или нейтрального отношения к военным событиям. Им казалось, что начавшаяся война должна была обострить противоречия между Церковью и государством, предоставив для первой удобную возможность свести счеты с богоборческой властью. Однако этого не произошло. И вплоть до 1980-х гг. некоторые исследователи, особенно из клира и мирян Зарубежной Русской Церкви, стремились объяснить произошедшее прежде всего страхом оставшихся на свободе архиереев во главе с Местоблюстителем митрополитом Сергием перед новыми репрессиями²⁰.

Из всей отечественной и зарубежной литературы выделяются труды В. И. Алексеева и Ф. Г. Ставру. Они единственные попыта-

¹⁸ *Георгий (Соколов), игумен*. Из воспоминаний о церковной жизни в СССР при немецкой оккупации // Вестник института по изучению СССР. Мюнхен, 1957. № 2. С. 103—112; Записки миссионера о жизни в Советской России // Вестник русского христианского движения (Вестник РХД). Париж, 1956. № 40. С. 31—43; *Бенигсен Георгий, протоиерей*. Христос победитель // Вестник РХД. № 168. 1993. С. 127—140; *Samarin V. D.* Civilian life under the german occupation. 1942—1944. New York, 1954.

¹⁹ Украинская Автокефальная Православная Церковь. Мюнхен, 1951; *Фотиев Кирилл, протоиерей*. Попытки Украинской Церковной автокефалии в XX веке // В книге Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии 1917—1950 гг. М., 1997.

²⁰ *Боголепов А. А.* Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958. С. 23; *Константинов Димитрий, протоиерей*. Гонимая Церковь (Русская Православная Церковь в СССР). Нью-Йорк, 1967. С. 35—36; *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Т. 1. Джорданвилль, 1987. С. 182—183.

лись в своей книге дать целостную картину церковной жизни во всех оккупированных областях и республиках Советского Союза²¹. Более поздний журнальный вариант их работы хотя и имеет меньший объем, но дополнен новыми материалами²². В. Алексеев и Ф. Ставру справедливо утверждали, что впечатление о благоприятном отношении гитлеровской администрации к религиозному подъему на оккупированной территории СССР ложно и этот подъем произошел стихийно. Правда, они ошибочно считали, что в 1941 г. правительство Германии еще не имело ясно сформулированной религиозной политики в странах Восточной Европы. Целью книги провозглашался показ влияния возрождения Русской Церкви на оккупированной территории на резкое ослабление антицерковных акций в СССР. Религиозное возрождение в период оккупации называлось «вторым крещением Руси», утверждалось, что оно сыграло решающую роль в судьбе Русской Церкви, заставило И. Сталина избрать курс временного сосуществования с ней. Соответственно время с сентября 1943 г. до начала хрущевских гонений называлось «религиозным нэпом»²³. Некоторое преувеличение роли исследуемого явления здесь очевидно. Хотя авторы и используют трофейные сводки СД, архивная база книги в целом невелика. Это привело к пробелам и ошибкам в статистических подсчетах. Лучшей является глава о положении Церкви в Белоруссии; раздел же, посвященный Церкви на Украине, представляет собой в основном беглый пересказ книг других авторов с повторением ошибок. Еще слабее раздел о религиозной жизни в южных и центральных областях России, о многих важных регионах вообще нет никаких сведений. Численность же открытых в период оккупации православных храмов занижается примерно в два раза.

Уже несколько десятилетий в эмигрантской литературе идет полемика о проблеме взаимоотношений РПЦЗ с нацистскими ведомст-

²¹ Alexeev W., Stavrou T. The Great Reveal. The Russian church under German occupation. Minneapolis, 1976.

²² Алексеев В. И., Ставру Ф. Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. Москва — Нью-Йорк — Париж. 1980. № 11. С. 91—118; № 12. С. 108—126; 1981. № 13. С. 75—97; № 14. С. 118—154; № 15. С. 85—100; № 16. С. 91—121; № 17. С. 97—114; № 18. С. 105—125.

²³ Там же. 1980. № 11. С. 94—95; 1981. № 13. С. 81, 91.

вами. Так, в своих изданных впервые в 1947 г. воспоминаниях митрополит Евлогий (Георгиевский) — глава Западноевропейского русского экзархата в юрисдикции Вселенского Патриарха пишет о соучастии РПЦЗ в унификаторских акциях нацистов против германских общин евлогиян, продиктованном стремлением увеличить свою паству и завладеть всей русской церковной собственностью в этой стране. Но подобные обвинения направлены прежде всего в адрес главы Германской епархии РПЦЗ до 1938 г. архиепископа Тихона, что в значительной степени справедливо. В адрес Собора или Архиерейского Синода прямых обвинений не выдвигается²⁴. Много внимания русской церковной жизни в нацистской Германии уделяет архиепископ Иоанн (Шаховской) в книге «Письма о вечном и временном», посвятив этому вопросу специальную главу «Город в огне». В 1936—1945 гг. Владыка в сане архимандрита возглавлял германские общины евлогиян и был непосредственным участником событий. Относительно РПЦЗ он пишет нейтрально, в целом положительно оценивает личность главы православной епархии Германии в 1938—1945 гг. митрополита Серафима (Ляде) и сообщает большое количество ценных сведений о поддержке и помощи, оказанной русским духовенством на территории III Рейха советским военнопленным и восточным рабочим²⁵.

Очень резок в своей полемично заостренной против РПЦЗ книге С. В. Троицкий. Он однозначно негативно оценивает позицию главы этой церкви митрополита Анастасия в период нацистской агрессии против СССР и даже делает вывод, что последний содействовал нацистам и в чисто военных делах. Подобные заключения Троицкого иногда противоречат им самим приводимым фактам, в частности признанию, что митр. Анастасий с начала войны не издал прямых письменных заявлений в пользу Гитлера²⁶.

В свою очередь священнослужители и миряне РПЦЗ в большом количестве работ, защищая свою юрисдикцию от обвинений

²⁴ *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947; М., 1994.*

²⁵ *Иоанн (Шаховской), архиепископ. Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 359—382.*

²⁶ *Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. Разбор книги протоиерея М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и заграницей». Париж, 1960.*

в сотрудничестве с нацистами, приходят к совсем другим выводам²⁷. Далеко не со всеми из них можно согласиться, но многое находит подтверждение на новом архивном материале. В частности, справедливыми представляются утверждения о патриотизме русского зарубежного духовенства, негативном отношении к нему нацистских ведомств в период войны против СССР, кардинальном отличии позиции руководства РПЦЗ в целом и ее германской епархии от экспансионистских планов нацистского режима. Правда, в указанных работах не говорится о некоторых серьезных просчетах и ошибках членов Архиерейского Синода, например, в оценке германских планов относительно России накануне нападения на СССР. В некоторых публикациях мемуарного характера так называемых карловацких священнослужителей можно почерпнуть интересные фактические данные — прежде всего в статье «Архиерейский Синод во вторую мировую войну» епископа Григория (Граббе)²⁸ и изданных под псевдонимом Е. Нельской воспоминаниях архиепископа Нафанаила²⁹. Существуют две книги, специально посвященные проблеме духовного окормления Русской освободительной армии (РОА). Оба автора — протопресвитер А. Киселев и протоиерей Д. Константинов в годы войны непосредственно осуществляли эту функцию и показали в своих работах, что русское зарубежное духовенство выполняло в армии генерала Власова чисто церковную миссию, не занимаясь какой-либо политической деятельностью³⁰.

К избранной теме также обращались германские и американские историки. Комплексного исследования ими создано не было, в то же время отдельно некоторые проблемы изучались. Серьезным и глубоким исследованием церковной жизни на оккупирован-

²⁷ *Польский М.* Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948; *Граббе Г.* Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом. Джорданвилль, 1961; *Его же.* Церковь и ее участие в жизни. Т. 2. Монреаль, 1970. С. 161—172; *Зализецкий И.* Сотрудники вымышленные и явные // Православная Русь. 1993. № 10. С. 10—12; № 11. С. 3—5.

²⁸ *Григорий (Граббе), епископ.* Завет Святого Патриарха. М., 1996. С. 322—338.

²⁹ *Нельской Е.* Очерки жизни русских в Германии (1942—47 гг.) // Православная Русь. 1947. № 7. С. 9—12; № 8. С. 4—6.

³⁰ *Киселев Александр, протопресвитер.* Облик генерала Власова. Нью-Йорк, б/г; *Константинов Димитрий, протоиерей.* Записки военного священника. СПб., 1994.

ной Украине является книга Ф. Хейера (более поздний вариант совместно с Х. Вейзе), хотя она и страдает узостью источниковой базы, следствием чего стали некоторые пробелы и неточности³¹. Нацистскую политику в отношении Русской Церкви частично документирует книга Х. Файерсайда, но автор недостаточно разбирается в канонике и истории православия. Полностью противоречат архивным документам его утверждения, что нацисты стремились использовать православных клириков в Германии «в качестве пятой колонны для покорения Церкви внутри СССР», митрополит Серафим (Ляде) якобы был объявлен ими «вождем всех православных в III Рейхе и на подконтрольных ему территориях», и в свою очередь имел большие властные амбиции, а православная Германская епархия являлась «пронацистским церковным движением»³².

В немалой части послевоенной публицистики эффективность конструктивной германской церковной политики на Востоке по различным причинам часто преувеличивалась. Зачастую это сочеталось с переоценкой возможности психологического и политического ведения войны. Подобные идеи отчасти характерны для фундаментальной книги американского ученого А. Даллина³³. Еще яснее они выражены в другой работе этого автора, где обращается внимание на необходимость избежать ряда ошибок в будущей войне с СССР³⁴. Анализируя политику нацистов на занятых восточных территориях, Даллин уделяет внимание и церковным вопросам. В частности, он справедливо подчеркивает двойственность политики германских ведомств: «В сущности, влияние Церквей хотели искоренить, но одновременно использовать их как инструмент пропаганды». Но нельзя согласиться с утверждением ученого о том, что после выборов патриарха в Москве (сентябрь

³¹ *Heyer F. Die Orthodoxe Kirche in der Ukraine von 1917 bis 1945. Köln — Braunsfeld, 1953; Heyer F, Weise Ch. Kirchengeschichte der Ukraine. Acht Jahrzehnte vom ersten Weltkrieg bis zu den Konflikten der Gegenwart. Göttingen, 1997. Handschrift.*

³² *Fireside H. Icon and Swastica: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control. Cambridge, Mass. 1971.*

³³ *Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf, 1958.*

³⁴ *Он же. Popular Attitudes and Behavior under the German Occupation 1941—1944. Interim Report. Cambridge, Mass. 1952.*

1943 г.) в нацистском аппарате те, кто одобрял «политические усилия Русской Церкви», взяли верх над теми, кто хотел ее игнорировать³⁵. Процесс определенного изменения церковной политики на Востоке, который начался с осени 1943 г., был достаточно слабовыраженным, непоследовательным и охватил не все германские ведомства.

Ряд обоснованных аргументов против «конструктивности» нацистской политики на Востоке привел Г. Рейтлингер. К сожалению, в своей книге о гитлеровской политике насилия в России он почти не касался церковных вопросов³⁶. Большой интерес представляет статья Х.-Х. Вильгельма «СД и Церкви на занятых восточных территориях 1941/42»³⁷, содержащая много ценных фактических данных и наблюдений о междоусобной войне германских ведомств. В то же время автор ограничился использованием почти исключительно документов архива Института современной истории в Мюнхене. В результате Вильгельм сделал целый ряд сомнительных или ошибочных выводов. Например, он писал, что лишь осенью 1941 г. на занятых восточных территориях «постепенно возник скорее все еще побочный интерес к различным конфессиям... Исключительно прикладной интерес развивался в первую очередь у компетентных подразделений Главного управления имперской безопасности (Reichssicherheitshauptamt, сокращенно РСХА), а затем у гражданской администрации и Вермахта». Между тем первые указания относительно проведения церковной политики на Востоке последовали от Гитлера уже в июле 1941 г., а органы гражданского управления уделяли этой проблеме не меньше внимания, чем РСХА. Автор преувеличивает внутрицерковную борьбу, как и степень сотрудничества священнослужителей с нацистами, и явно недооценивает масштабы и потенциальную возможность церковного возрождения в России. Но его общий приговор церковной политике полиции безопасности и СД вполне справедлив³⁸.

³⁵ Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland. S. 487, 504.

³⁶ Reitlinger G. Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Rußland 1941—1944. Hamburg, 1962.

³⁷ Wilhelm H.-H. Der SD und die Kirchen in den besetzten Ostgebieten 1941/42 in: Militärgeschichte Mitteilungen. Freiburg. 1981. № 1. S. 55—99.

³⁸ Там же. S. 55, 92.

По-своему интересную работу написал П. Андерсон, неоднократно приезжавший в СССР в качестве переводчика с представителями Епископальной Церкви США. Правда, он широко использовал в качестве источника советскую печать, почерпнув оттуда и основные статистические данные, что привело к известной односторонности в освещении и оценке многих церковных событий и явлений во время второй мировой войны³⁹. Можно упомянуть и статьи германских историков о деятельности Псковской Православной Миссии Прибалтийского экзархата Московской Патриархии, религиозной ситуации в Галиции в 1940—1944 гг. и церковной политике оккупационной румынской администрации на Юго-Западе Украины⁴⁰.

Самым непосредственным образом участвуют германские ученые и в дискуссии по проблемам истории РПЦЗ в 1933—1945 гг. Так, в 1980—1982 гг. появились две небольшие книги В. Гюнтера, которые преследуют скорее пропагандистские, чем научные цели⁴¹. Автор относит себя к определенному течению в Русской Церкви и стремится доказать историческую правоту евлогиян — сторонников митрополита Евлогия в Париже, не пытаясь разделить позицию нацистского государства и РПЦЗ в гонениях на евлогиянскую общину в Германии. Гюнтеру возражает в своих работах историк Г. Зайде⁴². Он пишет о некорректности обвинений РПЦЗ в сотрудничестве с нацистским режимом, но при этом не рассматривает механизма гонений на евлогиян и их сопротивления

³⁹ Anderson P. *People, Church and State in modern Russia*. New York, 1944.

⁴⁰ Treulieb E. *Metropolit Sergij von Riga und die „Orthodoxe Mission in Pleskau“* // in: *Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde*, Band 8, Göttingen 1965. S. 55—66; Kahle W. *Die Orthodoxie im baltischen Raum* // in: *Kirche im Osten*. Band 21/22, 1978/1979. S. 78—107; Stehle H. *Der Lemberger Metropolit Sheptyckij und die nationalsozialistische Politik in der Ukraine* // in: *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, München, 34/1986, 3. Heft. S. 407—425; Boeckh. *Rumaenisierung und Repression. Zur Kirchenpolitik im Raum Odessa / Transnistrien 1941—1944* // in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropa*, 1997, Heft 1. S. 64—84.

⁴¹ Guenther W. *Die russisch-orthodoxe Kirche in der Bundesrepublik Deutschland*. Memorandum, Sigmaringen, 1980; *Его же*. *Zur Geschichte der russisch-orthodoxen Kirche in Deutschland in den Jahren 1920 bis 1950*, Sigmaringen, 1982.

⁴² Seide G. *Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland von der Gruendung bis in die Gegenwart (1919—1980)*. Wiesbaden, 1983; *Его же*. *Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland*. München, 1989; *Его же*. *Die russisch-orthodoxen Kirchen Gemeinden in Deutschland in den Jahren 1920—1940* // in: *Der grosse Exodus*. München, 1994.

А

унификаторским акциям нацистских ведомств. Вполне справедливы утверждения Зайде, что митрополит Серафим (Ляде) не стремился к территориальному расширению православной Германской епархии за счет оккупированных нацистами территорий. В то же время нельзя согласиться с утверждением автора, что Архиерейская конференция осенью 1943 г. в Вене завершает первую фазу истории РПЦЗ. В 1944 — начале 1945 гг. деятельность последней даже активизировалась, хотя и проходила в основном в прежнем ключе. Вообще балканская политика нацистов по отношению к Православной Церкви, в том числе РПЦЗ, ранее серьезно не исследовалась, поэтому в монографии ей посвящен специальный параграф.

Наиболее фундаментальным трудом германских ученых по истории русской православной общины в Германии в XX веке является книга К. Геде⁴³. Исследовательница подробно рассматривает основные этапы унификации евогианских приходов, справедливо подчеркивая большое значение закона о земельной собственности РПЦ в Германии от 25 февраля 1938 г., анализирует позицию различных представителей православного духовенства. Значительный интерес в связи с этим представляет особый раздел «Русская Православная Церковь в Германии и антифашистское сопротивление», содержащий ряд неизвестных прежде фактов. Нацистская же политика в отношении РПЦ во время войны из-за недостатка материала изложена очень схематично, причем делается заключение, что в 1944 г. эта Церковь по политическим причинам была полностью «выведена из игры». На самом деле именно в это время нацистские ведомства гораздо активнее, чем в 1941—1943 гг., старались использовать ее в пропагандистско-политических целях. Нельзя согласиться и с утверждением Геде, что митрополит Серафим стремился к самостоятельности от Синода РПЦЗ, то есть к созданию особой Германской православной церкви. Но эти и другие отдельные недостатки работы объясняются тем, что у исследовательницы в свое время не было возможности работать в российских (советских) и некоторых западно-германских архивах.

⁴³ Gaede K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der ersten Haelfte des 20. Jahrhunderts, Köln, 1985.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день отсутствуют исследования, в которых бы целиком рассматривалась в качестве предмета специального изучения избранная тема, неосвещенными оставались и многие частные вопросы. Главным недостатком существующей историографии является узость источниковой базы. Материалы как российских, так и германских архивов использовались явно недостаточно, причем никто из упомянутых ученых, к сожалению, не работал и в тех и в других одновременно.

Роль существующих публикаций источников пока относительно невелика. Прежде всего следует отметить выходившие во время второй мировой войны или сразу после нее сборники документов Московской Патриархии. Они содержат послания иерархов, постановления Священного Синода (в том числе о ситуации на оккупированной нацистами территории), патриотические воззвания, письма, телеграммы⁴⁴. С 1991 г. в российских журналах, исторических альманахах начали публиковаться подборки архивных документов по истории религиозной политики советского государства. В основном они касались материалов 1920—30-х гг., но существуют и несколько публикаций М. И. Одинцова, посвященных периоду второй мировой войны, в которых приводятся отдельные документы о религиозной ситуации на занятых восточных территориях⁴⁵. Ряд подборок архивных документов, имеющих отношение к избранной теме, опубликовал и автор данной работы⁴⁶.

Другая часть проблемы — политика нацистского режима в отношении Русской Православной Церкви в Германии — была час-

⁴⁴ Правда о религии в России. М., 1942; Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943; Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947.

⁴⁵ Религиозные организации в СССР: накануне и в первые годы Великой Отечественной войны (1938—1943 гг.) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 37—67; Религиозные организации в СССР накануне Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.) / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 41—70; *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1995.

⁴⁶ В огне войны. Русская Православная Церковь в 1941—1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии) / Публ. М. В. Шкаровского // Русское прошлое. Кн. 5. СПб., 1994. С. 259—316; Иосифлянское движение и оппозиция в СССР / Публ. М. В. Шкаровского // Минувшее. Вып. 15. М.—СПб., 1994. С. 446—463 и др.

Содержание

От издательства	3
Введение	26
Глава I. Политика германских ведомств в отношении Русской Православной Церкви перед началом Великой Отечественной войны	52
1. Антихристианская сущность нацистского режима	52
2. Православные общины в Германии и попытки их унификации в 1933—1941 гг.	85
3. Германская политика в отношении Православной Церкви в Генерал-губернаторстве	113
Глава II. Русская Церковь в планах нацистов в период войны с СССР, 1941—1945 гг.	150
1. Формирование нацистской церковной политики на Востоке и ее колебания в ходе войны	150
2. Русская Православная Церковь и германская религиозная политика на Балканах 1941—1945 гг.	186
3. Деятельность Православной Церкви на территории III Рейха в 1941—1945 гг.	245
4. Духовное окормление восточных рабочих и советских военнопленных	287
5. Отношение Русской Православной и Украинской Греко-Католической Церквей к холокосту	320
Глава III. Религиозное возрождение на оккупированной территории СССР	338
1. Феномен экзархата Московской Патриархии в Прибалтике	338
2. Церковное возрождение в русских областях прифронтовой полосы	373
3. Создание и деятельность Белорусской Православной Церкви	417
4. Православная Церковь в рейхскомиссариате «Украина»	441
5. Румынская религиозная политика на Юго-Западе Украины	471
6. Общие особенности и итоги церковного развития на оккупированной территории СССР	481
Заключение	500
Именной словарь	508